

МОРФОЛОГИЧЕСКИЕ СРЕДСТВА ФОРМИРОВАНИЯ СЕМАНТИЧЕСКОЙ СВЯЗИ В ТЕКСТЕ

Бурхонова Гулрух Садриддиновна

*Преподаватель кафедры русского языка и литературы Самаркандского
государственного педагогического института*

Норматова Мавлуда

*Студентка 3 курса Самаркандского государственного педагогического
института*

Аннотация. В статье исследуется роль морфологических категорий в обеспечении когезии и когерентности художественного и научного текстов. Особое внимание уделяется специфике функционирования глагольных временных форм, местоименной референции и категорий рода и числа как инструментов создания семантического единства. Анализирует, каким образом грамматические маркеры выстраивают логическую и эстетическую структуру повествования.

Ключевые слова: морфологическая связь, текстовая когезия, референция, глагольное время, семантическая структура, дискурс.

Abstract. The article explores the role of morphological categories in ensuring the cohesion and coherence of artistic and scientific texts. Special attention is paid to the specifics of the functioning of verbal tense forms, pronominal reference, and categories of gender and number as tools for creating semantic unity. The author analyzes how grammatical markers build the logical and aesthetic structure of the narrative.

Keywords: morphological connection, textual cohesion, reference, verb tense, semantic structure, discourse.

Проблема текстовой целостности традиционно рассматривается через призму синтаксиса и лексики, однако именно морфологический уровень языка зачастую выступает в роли «невидимого каркаса», удерживающего смысловые пласты в едином пространстве. Семантическая связь в тексте не является статичным свойством; это динамический процесс, в котором каждое грамматическое значение служит вектором, направляющим восприятие читателя от одного сегмента к другому. Морфологические средства, обладая высокой степенью абстракции, способны связывать дистантно расположенные фрагменты текста, создавая систему перекрестных ссылок. Одним из наиболее значимых инструментов такой связи выступает система глагольных времен. В художественном тексте время перестает быть просто грамматической категорией,

превращаясь в способ конструирования реальности. Если мы обратимся к классическим образцам прозы, например, к метафорическим описаниям природы у Ивана Бунина, мы увидим, как смена временных планов создает глубину кадра. В его произведениях часто встречается прием, когда мимолетное действие, выраженное формой прошедшего времени совершенного вида, внезапно «застывает» в настоящем историческом. Это можно описать так: когда золотистый лист падает в холодную воду, само мгновение его касания поверхности растягивается в бесконечность через выбор глагольной формы, превращая кратковременный жест осени в вечный закон бытия. Здесь морфология выполняет медиативную функцию между физическим временем и временем эстетическим. Литературный критик и философ Михаил Бахтин подчеркивал, что хронотоп (единство времени и пространства) невозможен без четкой грамматической фиксации. По его мнению, смысловое единство текста обеспечивается позицией автора, которая выражается через систему личных окончаний глаголов и местоимений, фиксирующих событийную дистанцию [1, с. 235]. Пересказывая идеи Бахтина, можно отметить, что переход от «я» к «он» в тексте — это не просто смена лица, а фундаментальный сдвиг в дистанции между объектом и субъектом, формирующий архитектуру всего произведения.

Местоименная референция является вторым по значимости морфологическим средством связи. Анафорические и катафорические функции местоимений позволяют избегать лексических повторов, сохраняя при этом непрерывность объекта в сознании читателя. В романах Владимира Набокова, например, местоимение часто выступает как маска. Личное местоимение «он» может преследовать героя по пятам, словно тень, которая то удлиняется, поглощая личность, то сжимается до едва заметной точки, когда автор решает обнажить истинную суть персонажа. Такая «пульсация» референции создает плотную семантическую сеть, где морфологическая единица заменяет собой целые описательные блоки.

Однако морфологическая связь не ограничивается только местоимениями и глаголами. Категории рода и числа также играют роль смысловых скреп. Грамматический род в поэтическом тексте может наделяться квазибиологическими характеристиками, становясь элементом внутренней структуры стиха. В его интерпретации, борьба начал в стихах часто манифестируется именно через морфологические показатели, которые связывают разрозненные образы в единую мифологическую картину. Если в одной строфе доминируют существительные женского рода, а в следующей — мужского, между ними возникает напряжение, которое и является двигателем сюжета на микроуровне.

Исследователи рассматривали макроструктуры текста как результат взаимодействия пропозиций, где грамматические маркеры выступают операторами логического следования. По их мнению, связность текста напрямую зависит от правильного распределения морфологических сигналов, указывающих на смену тем. Если мы представим текст как сложный механизм, то морфология — это его шестеренки, обеспечивающие плавный переход энергии смысла от одного колена к другому. Без этих связок текст рассыпался бы на изолированные предложения, лишённые преемственности. Особое внимание стоит уделить категории вида глагола, которая обладает уникальной способностью структурировать событийно-фактическую сторону дискурса. Как отмечает Н.С. Валгина, видовременные формы глагола обеспечивают темпоральную связность и динамику повествования [5, с. 112]. Несовершенный вид создает фон, длительность, некую «атмосферную взвесь» повествования, в то время как совершенный вид отмечает вехи, точки невозврата. Это выглядит как туман, окутывающий старый сад (несовершенный вид), сквозь который внезапно прорывается ослепительный луч молнии, раскалывающий дерево (совершенный вид). Эта динамика морфологических оппозиций формирует ритм текста, который напрямую влияет на эмоциональное состояние адресата. Морфологические средства — это не технические дополнения к лексике, а фундаментальные когнитивные инструменты. Они позволяют автору не просто передавать информацию, но и управлять вниманием, расставлять акценты и создавать многослойную семантическую реальность. Как указывает В.В. Виноградов, морфологический строй языка является основой для выражения тончайших смысловых нюансов в структуре целого текста [3, с. 45]. В следующей части работы мы более подробно остановимся на специфике функционирования служебных морфем и деструкции морфологических связей.

Если знаменательные части речи формируют содержательный костяк текста, то служебные морфологические единицы — предлоги, союзы и частицы — выступают в роли тончайших нейронных связей, обеспечивающих логическую проводимость дискурса. В научной литературе эти элементы часто недооцениваются, воспринимаясь как чисто технические коннекторы. Однако, именно функциональные слова создают «логическую перспективу» текста, позволяя читателю реконструировать авторский замысел в его полноте. Союзы, обладая способностью эксплицировать причинно-следственные, противительные и градационные отношения, превращают набор высказываний в аргументативную структуру. В художественном преломлении союз «но» может действовать как внезапный обрыв тропы в лесу: когда читатель уверен в направлении движения сюжета, эта короткая морфема разворачивает пространство на сто восемьдесят градусов, вводя антитезу, которая перечеркивает предыдущий опыт

героя. Союзы — это суставы огромного организма, которые позволяют тяжеловесным мыслям сгибаться и принимать формы, доступные для человеческого взора, не теряя при этом своей масштабности.

Особого внимания заслуживают частицы, которые в современном лингвистическом анализе всё чаще рассматриваются как маркеры модальной связности. Частицы «ведь», «же», «даже» связывают актуальное высказывание с пресуппозицией, то есть с тем знанием, которое уже имеется у адресата или было введено ранее. Диалогичность текста проявляется в его способности «откликаться» на чужое слово, и именно частицы часто служат сигналами этого внутреннего диалога. Это напоминает эхо в горах: автор бросает фразу, а частица «же» подхватывает её, возвращая читателю уже в виде подтвержденной истины или горького упрека, связывая воедино разрозненные реплики персонажей в общую эмоциональную сеть. Интерес представляет и морфологическая деструкция как средство формирования альтернативной семантики. В литературе модернизма и постмодернизма намеренное нарушение морфологических связей становится способом передачи фрагментарности сознания. Ю.М. Лотман анализировал такие явления как «минус-приемы», где отсутствие ожидаемой грамматической связи само по себе становится значимым сигналом [2, с. 215]. Если мы представим текст как зеркало, то в работах авангардистов морфологические связи — это трещины. Когда существительное теряет согласование с прилагательным по роду или числу, возникает эффект «смыслового мерцания», где объект перестает быть тождественным самому себе. Это можно сравнить с попыткой поймать отражение в разбитой воде: образы множатся, связи рвутся, но именно из этих разрывов рождается новое, нелинейное единство.

Понимание текста невозможно без стратегий макроредукции, где морфологические показатели помогают слушателю отсеивать второстепенное. Предлоги в этом контексте работают как пространственно-временные координаты. В описаниях архитектурных пространств, например у Марселя Пруста, предлоги выстраивают сложную систему вложенности смыслов. Художественно это можно передать как путешествие внутри бесконечной анфилады комнат: предлоги «в», «над», «сквозь» ведут нас за руку из тесного кабинета памяти в бескрайние сады детских воспоминаний, обеспечивая топологическую связность текста. Однако морфология более экономна. Категория числа, например, может связать целые главы произведения. Если в начале романа некий символ дается в единственном числе (одинокая птица), а в финале он же предстает во множественном (черная стая), то сам грамматический переход транслирует идею разрастания трагедии или изменения масштаба события без привлечения дополнительных лексем. «Душа слова» раскрывается в его

морфологических превращениях. Семантическая связь оказывается не просто формальным требованием грамматики, а живым процессом порождения смыслов. В научной статье морфология гарантирует точность и однозначность денотации; в поэзии она же создает мерцающую неопределенность и многозначность.

Морфологические средства формирования семантической связи представляют собой сложную иерархическую систему. От глагольного времени, задающего ритм истории, до едва заметной частицы, связывающей текст с контекстом эпохи — каждый элемент выполняет свою уникальную когезивную роль. Синтез этих средств позволяет тексту преодолеть линейность и стать объемным семантическим объектом, способным к длительному существованию в культуре.

Список использованной литературы:

1. Бахтин, М. М. Формы времени и хронотопа в романе // Вопросы литературы и эстетики. — М.: Художественная литература, 1975. — 504 с.
2. Лотман, Ю. М. Структура художественного текста. — М.: Искусство, 1970. — 384 с.
3. Виноградов, В. В. О языке художественной прозы. — М.: Наука, 1980. — 360 с.
4. Гальперин, И. Р. Текст как объект лингвистического исследования. — М.: Наука, 1981. — 139 с.
5. Валгина, Н. С. Теория текста. — М.: Логос, 2003. — 280 с.
6. <https://umschool.net/library/russkij-yazyk/morfologicheskie-sredstva-svyazi-v-tekste/>
7. <http://velikayakultura.ru/russkiy-yazyk/ritorika-sredstva-svyaznosti-teksta>